

Той ночью, стоило мне успокоиться, я тут же пожалел о содеянном.

Однако телефон жены был уже выключен. Я обзванивал его друзей, а потом и наших общих знакомых, одного за другим. Перебрал в уме множество мест, куда он мог отправиться.

У меня действительно скверный характер, и стоит мне вспылить, как я тут же начинаю крушить всё вокруг. Когда я только ухаживал за ним, он говорил: У тебя слишком тяжелый нрав, а мне нравятся люди с покладистым характером.

Позже, когда мы уже были вместе, он тоже повторял: Если ты не исправишь свой характер, нам придется расстаться.

За эти годы я, по правде говоря, стал куда сдержаннее, и он даже хвалил меня за это.

Но, как говорится, горбатого могила исправит. Иногда мне кажется, что слово «мерзавец» заложено в моих генах с самого рождения.

Раньше я говорил, что всё началось в университетские годы с банальной интрижки на одну ночь, и это чистая правда, но была еще одна деталь, о которой я умолчал.

Мы познакомились вовсе не тогда: мы с женой были одноклассниками еще в старшей школе. С тех самых пор он был круглым отличником. По правде говоря, нынешнее положение дел — это всё плоды моих собственных ошибок, за которые я теперь расплачиваюсь.

В те времена он относился ко мне совсем иначе, он действительно любил меня тогда.

Я осознал, насколько искажен мой характер, лишь спустя долгое время. А тогда я ничего такого не чувствовал.

Я не знаю, связано ли это с моей ненормальной семьей, но, честно говоря, мне кажется, что это наследственное. Я до сих пор не понимаю, в чем был смысл брака моих родителей: сколько я себя помню, вокруг отца постоянно крутились то мужчины, то женщины.

Не стоит жалеть мою мать, ведь она тоже без дела не сидела.

В детстве я не понимал, кто эти разодетые люди. Они часто приходили с отцом домой, были со мной даже ласковее, чем мать, и играли со мной. Обычно я называл их «сестренками».

Лишь позже я узнал, что они стремились занять место моей мачехи.

Одно дело — знать, что у них с отцом странные отношения, и совсем другое — увидеть всё своими глазами. В первом классе старшей школы я прогулял уроки и вернулся домой, чтобы посмотреть чемпионат мира по футболу. Поднявшись на этаж, я увидел, что дверь в спальню отца распахнута настежь, а на кровати сплелись два обнаженных тела.

Отец выглядел внушительно, а вот тот, кто был под ним... это было нечто, не поддающееся описанию. Во всяком случае, если бы я не увидел то, что болталось у него между ног, я бы никогда в жизни не подумал, что мужчина может так же, как женщина, лежать под кем-то, лишившись всякого самоуважения, и умолять о ласке. Тогда я еще не знал, что на самом деле мы с отцом — одного поля ягоды.

Я знал лишь то, что увиденное вызвало у меня тошноту.

Прямо на глазах у отца я схватил того мужчину за волосы и швырнул его с третьего этажа —

совершенно голого.

Внизу, во дворе, был бассейн, так что он не разбился насмерть. Отец тоже не проронил ни слова.

С того дня я внезапно превратился в безумца. Раньше я мог запросто обнимать приятелей за плечи, тискать их, но с того дня — как отрезало.

По дороге в школу один приятель по привычке приобнял меня за плечи, и я прижал его к земле так, что он получил сотрясение мозга. Пожалуй, он до сих пор не понимает, почему это произошло.

Моя жена тогда сидел со мной за одной партой.

До того случая мне очень нравилось его поддразнивать. Он был тихим, скромным, как девчонка, но обладал поразительно высоким интеллектом. Он разбирался в музыке, шахматах, каллиграфии и живописи, да еще и был первым в рейтинге всей параллели.

В начале учебного года во время генеральной уборки всех парней отправили таскать парты. Учитель, видя, что он не приспособлен к тяжелой работе, велел ему вместе с девочками мыть окна. Он тогда был еще ниже большинства девчонок и не доставал до верха стекол. Вернувшись после перетаскивания парт, я увидел, как он подпрыгивает, пытаясь дотянуться до стекла, и это выглядело донельзя комично.

Я сказал: Назови меня братом, и я помогу.

Он метнул в меня сердитый взгляд.

Тогда я подхватил его сзади и поднял в воздух, приговаривая: Теперь-то достоешь?

Окружающие покатались со смеху, а он с тряпкой в руках гнался за мной три квартала, пытаясь ударить.

Он ужасно легко краснел. Кажется, люди со светлой кожей все легко краснеют. Стоило его хоть немного поддразнить, как он ходил красный два часа подряд, поэтому я так любил это делать. Часто по дороге из школы я отбирал у него портфель и наблюдал, как он, перебирая короткими ножками, бежит за мной, и у меня от этого поднималось настроение.

Я даже не догадывался, что всё это — любовь.

На День святого Валентина одна девочка подарила мне коробку шоколада. Я не люблю сладкое, поэтому просто отдал его ему. Он краснел целых два урока самоподготовки. На самом деле он многим очень нравился. Поскольку он был первым в рейтинге, к нему часто подходили с вопросами по учебе, и он никогда ни на кого не злился. Объясняя задачи, он всегда говорил очень мягко и тихо. Иногда я спрашивала его о чем-нибудь, специально выбирая простейшую задачу. Что бы он ни объяснял, я притворялась, что ничего не понимаю. Позже, когда у него от усердия на носу выступали капельки пота, он снова и снова, невероятно терпеливо, начинал рассказывать всё заново.

Я говорила: О, теперь поняла.

Он так искренне радовался, что от усталости потом еще долго лежал, уткнувшись лицом в

парту.

В знак благодарности я угостила его обедом. Уходя, мы получили в подарок две мятные конфеты, и, поскольку я не хотела их есть, я отдала обе ему. Позже я узнала, что он носил их в кармане брюк, хранил очень долго.

Если вспомнить всё моё поведение в те годы, то в тот момент он, должно быть, думал, что я тоже нравлюсь ему.

О нет, это я думала, что он мне не нравится.

Он был человеком, которого невозможно было не любить, а я своими руками всё разрушила.

Ближе к концу первого года старшей школы, когда мы вернулись с утренней зарядки, едва я вошла в класс, меня окружила шумная толпа. Один парень, возбужденно размахивая альбомом для рисования, воскликнул: Черт возьми, похоже, Лю Цыци в тебя влюблен!

Что значит быть брошенным в ледяной погреб — в тот день я прочувствовала это до мозга костей.

Они говорили, что альбом выпал из сумки его «женушки», и внутри были одни мои портреты.

Картина, которую я видела в спальне своего отца, снова отчетливо всплыла у меня в голове.

Я взяла альбом, перевернула страницу и, увидев собственное лицо, почти потеряла рассудок.

В этот момент вернулся он, его «женушка». Он стоял за спинами толпы и в растерянности смотрел на то, что было у меня в руках.

Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что среди тех людей вряд ли у многих была настоящая злоба — это я наделила их ею.

Я развернула альбом так, чтобы все, включая его, стоявшего в стороне, могли видеть содержимое, и, усмехнувшись, произнесла: Ты что, гомосексуалист? Как же это, черт возьми, противно.

С того дня он, такой всеми любимый, стал мишенью для травли всей школы. Я, истинный демон, подняла знамя расправы и раздала каждому по ножу. Те, кто держал в руках эти клинки, воображали, что отстаивают справедливость.

На самом деле они вовсе не были в неведении — просто получили благовидный предлог, чтобы

выплеснуть давно подавляемую злобу, таившуюся в их природе. С того самого дня он больше не улыбался, а в его взгляде, обращенном на меня, погас тот свет, что раньше приносил мне радость, — остался лишь страх.

А я начал спать только с помощью снотворного.

В те времена все без устали играли в одну и ту же игру: рвали его альбомы для рисования, а порой вытаскивали его личные дневники и вывешивали на доске. Но даже при этом он неизменно оставался первым учеником в параллели.

Он всегда лишь казался слабым, но перед ним я всегда терпел сокрушительное поражение.

В выпускном классе старшей школы его окружили в коридоре одноклассники. Он мертвой хваткой вцепился в остатки своего разорванного альбома, лицо его было бледным как полотно, но он не заплакал ни разу. Я стоял в толпе и смотрел на него, чувствуя, как леденеют руки и ноги.

Если бы в тот момент у меня в руках был нож, я, возможно, стал бы убийцей, но не знал, кого именно ненавижу. Один из парней начал стягивать с него брюки, и последняя струна в моей голове лопнула. Когда я прорвался сквозь толпу, то услышал, как он тихо прошептал имя. Не мое. А следом меня вдруг сбили с ног мощным ударом в челюсть.

Это был парень из параллельного класса.

Он принялся колотить одного за другим, а я, сам не понимая почему, вдруг расхохотался и произнес: Спасибо.

Наверное, он решил, что я его провоцирую.

Но я был искренен. Спасибо ему за то, что он сделал то, на что я не был способен.

Я-то знал: такой замечательный человек, как Лю Цыци, достоин того, чтобы его любили лучшие.

Только с того дня во мне будто что-то окончательно выгорело. Я перестал пить снотворное.

Так прошел последний год школы. После выпускных экзаменов я оборвал связи со всеми одноклассниками, даже не пошел на прощальный ужин. Потому что накануне вечером перебрал с алпрозоламом, и мне промывали желудок в больнице.

Как только я пришел в себя, отец отправил меня в армию.

Он сказал: Послужишь два года, закалишься, а потом доучишься. А то от хорошей жизни совсем с ума сошел, то и дело на тот свет стремишься.

Честно говоря, два года службы в армии сильно на меня повлияли. Каждый день после изнурительных тренировок я валился с ног и засыпал, едва коснувшись подушкой головы, — не было времени на всякие глупости. Именно тогда я постепенно принял свою гомосексуальность и осознал: это я был искаженным, а не этот мир.